

БОРИС ПУГАЧЕВ

СОВРЕМЕННАЯ САГА

Зеркало для слепого

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П88

Пугачев, Б.Л.

П 88 Зеркало для слепого/Борис Пугачев. – М.:
2012. – 512 с. (Современная сага)

ISBN 978-5-271-39241-2

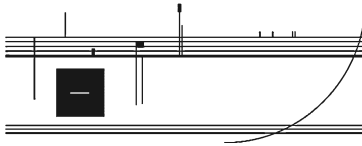
Разочарования – это то, что связывает все воспоминания о девяностых. У этого времени были свои герои. Один из них – Родик. Подающий блестящие надежды ученый сумел приспособиться к новой эпохе. Но успех имеет и обратную сторону медали. Дабы избежать мести конкурентов, Родик вынужден бежать из страны. И это только начало череды головокружительных событий. Филигранные операции на зарождающемся рынке сотовой связи, ювелирное производство и снова предательство самых близких людей. А дальше развод, случайно сбитый на дороге человек... Цепь трагических совпадений может сломить даже самого сильного, но герой изо всех сил пытается выбраться из пропасти, в которую катится страна. Волею случая Родик становится свидетелем очередной жестокой резни в Средней Азии. Война полностью переворачивает его представление о нашем мире...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пугачев Б.Л., 2011

БОРИС ПУГАЧЕВ

СОВРЕМЕННАЯ САГА

Да, скажу я вам, шторм был
нешуточный.

Э. Хемингуэй

Родик, уютно устроившись на заднем сиденье видавших виды «Жигулей» и подставив разгоряченное бегом по аэропорту лицо упругим потокам воздуха, врывающимся через открытое окно, наслаждался видами Крыма.

Утопающие в зелени городские строения сменились бурной южной растительностью, местами переходящей в белесые вершины гор, зубцами упирающиеся в небесную синеву и цепляющие редкие облачка, навевающие своей причудливой формой фантастические ассоциации. Моря не было видно, но запахи свидетельствовали о его близости, наполняя и без того прекрасные ощущения каким-то чарующим спокойствием.

Родик хотел поделиться чувствами с сидящей рядом Оксой, но она спала. Ее вымотала полуторасуточная дорога от Душанбе через Москву и Ленинград. Родик мысленно пожурил себя за то, что заставил ее добираться столь окружным путем, да еще и не дал выспаться в поезде, эгоистично восполняя почти трехмесячный пробел в их сексуальных отношениях.

Он всматривался в ее безмятежное по-азиатски скуластое лицо, высвечиваемое солнечными зайчиками,

рождаемыми автомобильными зеркалами при резких поворотах перешедшей в серпантин дороги, и в очередной раз жалел, что втянул ее в это тайное и, бесспорно, опасное путешествие.

Наблюдать за бесчисленными зигзагами не хотелось, Родик откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Тревожные размышления и воспоминания помимо его воли опять овладели им. На фоне уходящих положительных эмоций он со всей ясностью осознал, что из успешного законопослушного обывателя превратился в гонимого судьбой авантюриста, стал причиной криминального противоборства, способного повлечь роковые последствия. Еще позавчера он не мог представить себе, что победит в неизвестность, дабы обезопасить себя от возмездия со стороны спецслужб когда-то гостеприимно принимавшей его Болгарии. Сейчас же он с ужасом осознал, что из-за стечения обстоятельств или по неопытности собирается прятаться вблизи от своих врагов — в Турции, где все может развиваться по неизвестным ему правилам. Родика охватило чувство незащищенности. Он постарался побороть его, убеждая себя в невозможности изменить ситуацию и уповая на справедливость многовековой народной мудрости, гласящей, что кусают и комары до поры, и все уляжется, оставшись в памяти тяжелым жизненным уроком.

Серпантин кончился, и Родик, стараясь отогнать гнетущие мысли, заставил себя вернуться к созерцанию пейзажей. Вскоре шоссе резко повернуло, и где-то внизу между горами показалась знакомая с детства Ялта.

На морском вокзале подтвердили, что катамаран в Стамбул должен отплыть по расписанию в одиннадцать двадцать завтрашнего утра. Прийти надо не позднее чем за два часа до отхода. Прохождение границы и посадка будут осуществляться по спискам отправляющей организации. Позвонив, Родик убедился, что в списках они значатся, но размещать их в гостиницу на ночь никто не собирается, поскольку это не входит в число услуг, предусмотренных путевкой.

Родик снял пиджак, засучил влажные рукава рубашки и увлек Оксу за собой в людской поток, движущийся по набережной. Синеющее за деревьями море манило, но тяжелый чемодан и липкий пот, струящийся по спине и шее, напоминали о необходимости срочно устроиться где-то на постой. Пребывать в безнадежном поиске гостиницы, протискиваясь сквозь людскую толчею расхлестанных отдыхающих, не имело смысла, поскольку мест, вероятно, нигде не было. Советская система бронирования исключала такую возможность, а кооперативная деятельность почти не затронула эту сферу услуг.

Больше для того, чтобы побыть хоть несколько минут в прохладе, Родик решил попытаться счастья в первой попавшейся гостинице, хотя ее величественный фасад с характерными для крымской архитектуры витринами, колоннадами, портиками и округлостями выглядел неприступно и не давал надежды на приют.

Родик оставил Оксу в тени деревьев сторожить чемоданы, а сам, открыв тяжелую дверь, непринужденно прошел в пахнущее пылью давно не чистенных ковров, заставленное креслами и столиками полутемное помещение. Улыбнувшись крашеной блондинке, царственно восседающей за стойкой с табличкой «администратор», он предъявил свое любимое удостоверение от Министерства обороны со ссылкой на пятидесятый приказ и заверил, что номер ему должен быть забронирован. Удостоверение, полученное им еще в пору работы в институте, не раз спасало в подобных ситуациях, поскольку содержало грозные слова о чрезвычайных полномочиях и необходимости содействия. Красные корочки и гербовая печать довершали эффект.

Женщина изучила удостоверение, несколько минут порылась в бумагах и, сверкнув всеми прелестями своего макияжа, сообщила, что никакой брони не имеется, но даже если бы и была, мест нет.

— Посмотрите еще раз. Может быть, вкралась ошибка в написание фамилии. Должна быть бронь от гориспол-

кома, — попросил Родик, передав ей свой паспорт с вложенной пачкой купюр. — Мне перебиться только до завтрашнего утра.

Привычно изучив содержание паспорта и уточнив, что номер нужен лишь на одну ночь, администратор выдала Родику анкету. При этом улыбка ярко окрашенных губ так преобразила ее лицо, что Родику стало стыдно за плохие мысли по поводу ее макияжа...

Номер оказался не просто хорошим, а по-советски шикарным. С ковром, паркетом и телевизором. Два широких окна выходили на набережную, открывая чарующий вид на море. Пока Окса распаковывала вещи, Родик, смывая дорожную грязь, обливался прохладной водой из душа и придавался воспоминаниям.

С Крымом у него были связаны многие приятные ощущения детства. Еще с дошкольных времен вместе с родителями он каждое лето приезжал в разные крымские места, пока они не облюбовали Феодосию, где несколько лет снимали одну и ту же маленькую комнату в глинобитном домике недалеко от моря. Домик принадлежал гостеприимной многодетной семье. Родик подружился с детьми, а его родители — со взрослыми. Отношения из дружеских незаметно перетекали почти в родственные. На зимние школьные каникулы все собирались в Москве, посещали новогодние елки, катались на лыжах, а летом Родику отправляли в Феодосию. Родители с его совсем еще маленькой сестрой приезжали всего на две-три недели, а остальное время он почти бесконтрольно отдыхал в разновозрастном коллективе местных девчонок и мальчишек. Купался, ходил в горы, прятался в крепости, нырял со скал, ловил рыбу. Так продолжалось до девятого класса. Следующие два года, включая лето, ушли у Родику на интенсивную подготовку к поступлению в институт. Даже когда на зимние каникулы приезжали феодосийцы, он продолжал усердно заниматься, навертывая упущенное и расценивая необходимость общения как бестолковую потерю времени. Это существенно ос-

лабило дружеские узы. В начале июля, когда Родик уже сдал экзамены в институт и ждал решения о зачислении, феодосийцы приехали, чтобы подать документы дочери в какой-то московский вуз. Родик сначала обрадовался, но вскоре почувствовал тяжесть общения. Все разговоры сводились к предстоящим экзаменам. Других тем почти не находилось, и ему с трудом удавалось поддерживать разговоры. Поразмыслив, он понял, что за прошедшие два года изменились его интересы и многое другое. Он уже не был тем беззаботным мальчишкой, который бегал с ватагой детей по Феодосии. С феодосийцами же такого не произошло...

К концу месяца Родика приняли в институт, и он уехал в свой первый строительный отряд, а крымские друзья остались у них дома в Москве подготавливать дочь к экзаменам. Поступить ей не удалось, и к возвращению Родика в конце августа из стройотряда они уже отбыли в Феодосию. Институтская жизнь Родика была такой, что о поездках в Крым он даже не думал. Родители по какой-то причине тоже перестали посещать Крым, довольствуясь дачей в Подмосковье. Общение, как часто бывает в таких случаях, постепенно свелось к поздравительным открыткам и телефонным звонкам, а потом и вовсе прекратилось. С тех пор прошло двадцать два года. Родик из беззаботного юноши превратился сначала в преуспевающего ученого, доктора наук и руководителя крупной лаборатории. Потом из-за перестроечных перемен он стал коммерсантом. За это время Родик несколько раз ездил отдыхать на юг, правда, на Кавказ. Странно, но в Феодосию его и не тянуло, хотя именно там он испытал первую детскую влюбленность, первое опьянение вином и многое другое, ставшее в жизни первым...

Не вытираясь, Родик вышел из ванной, подошел к окну и всмотрелся в голубую даль, освещенную клонящимся к закату солнцем. На минуту ему показалось, что он в Феодосии, а за синевой волн просматривается знаменитый Золотой пляж.

«Старею, что ли? Сентиментальным становлюсь. Даже слезы на глаза накатили», — подумал он и сказал:

— Окса, хватит терять время. Лезь под душ. Доставай купальные принадлежности. Пойдем на море. Пляж через дорогу, а солнце уже почти на горизонте.

— Подожди, вещи развешу. Да и пообедать надо. Ты скоро заноешь, что голодный, — отозвалась Окса. — До заката еще долго.

— Пока будем обедать и с вещами возиться, стемнеет. Давай чего-нибудь перехватим, а потом уже попытаемся основательно. В Ялте должны быть хорошие рестораны. По кино помню — есть тут знаменитый открытый ресторан на морском вокзале. Можем пойти туда.

— Как скажешь. Я о тебе думаю. Мне купальник надеть — и готова.

— Мне тоже плавки дай. На пляже, думаю, яблоку негде упасть, а в кабинки очередь, и в них мочой воняет. Море тут, конечно, грязноватое, но на безрыбье и рак — щука. Заплывем подальше. Ну, пошли, а то когда еще искупаемся.

— В Стамбуле тоже море...

— Даже три. Однако сомневаюсь, что там купаются. Стамбул — огромный и грязный город. В Москве и то чище. Хотя... В Мраморном море, может, и поплаваем, посмотрим. Море, солнце и песок. Море, солнце и песок. Побежали.

Только попав на улицу, Родик вспомнил об опасности, но поозирался и ничего настораживающего не заметил. Следуя детективному жанру, он на всякий случай вернулся в холл гостиницы и поинтересовался у доброжелательно улыбнувшейся ему администраторши, не искал ли его кто-нибудь. Услышав отрицательный ответ, попросил известить запиской, если кто-то будет его спрашивать. Холл был пустынен, и Родик, покидая его, подумал: «У страха глаза велики. Стыдно. Веду себя, как в примитивном детективном кино. Чему быть, того не миновать. Если все время бояться, то можно манию пре-